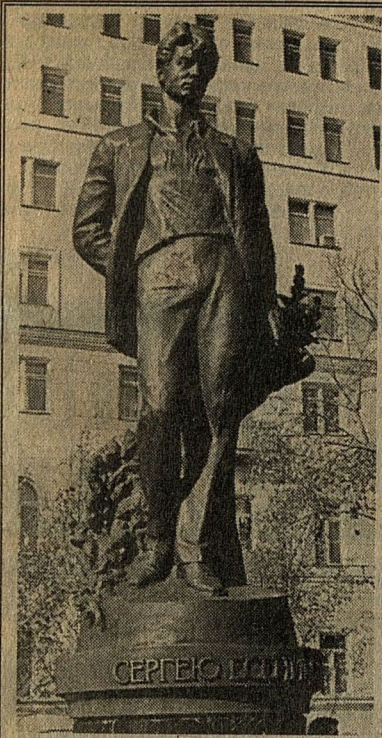

Есенин Сергей

3.10.95.

САМЫЙ СИНЕГЛАЗЫЙ...

**СЕГОДНЯ
СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ
100 ЛЕТ**

Жизнь поэта шьется из дыр и прорех, из похмелья и колючей проволоки бытовых проблем, из невыразимого и необъяснимого... Это хорошо знали большие поэты. Это знал Есенин.

После его самоубийства идеологи советской власти на десятилетия вывели его из легального существования в жизни страны. А потом стали делать из поэта златокудрого отрока, кучерявого Леля, который не пил водки и не бегал за женщинами. Они вырезали из его судьбы целые главы — его мужицкую деловитость, его алкоголизм с приступами белой горячки, они отсекали от поэта лучших его друзей и соратников неугодной национальности.

Дальше — больше, и вот уже десятки "исследователей" в штатском заговорили о том, что не сам он покончил свои счеты с жизнью (и это после ряда суицидных попыток, начиная с 1912 года), а неизвестные (хотя и понятно какие) враги. Перевести божественную драму в бытовую могли только недоразвитые. Но все эти вопросы сняла комиссия Есенинского комитета летом 1993 года.

В заглавии, конечно, вынесена метафора. Речь идет не столько о цвете глаз того, кто родился 21 сентября 1895 года по старому стилю, а по новому — именно сегодня. Речь о качестве поэтического зрения. Откуда его "несказанное, синее, нежное..."? Наверное, от красок и шорохов родного села в бывшей Рязанской губернии, от того среднерусского пейзажа, о котором никто не мог поведать так, как он.

Сегодня сто лет поэту милостью Божьей.

Странная дата для самой противоречивой, по крайней мере на сегодняшний день, судьбы в российской словесности.

Для одних Есенин — незамутненный гений. Для других, хотя и талантливый, но люмпен, который всю жизнь метался между городом и деревней, выражая, может быть, самые неприглядные стороны оторванного от земли крестьянства. Он был просто жителем этой Земли.

Один из советских страдальцев, скрюченный восемнадцатилетними мытарствами по ГУЛАГу Варлам Шаламов, во многом крайне неприязненно относился к Есенину. В статье "Сергей Есенин и воровской мир" он утверждал, что поэт выразил ту уголовную ментальность, которая сделала его любимым поэтом воровского мира и концлагерей: "...блатные сделали его классиком — отзываться о нем с уважением стало хорошим тоном среди воров...

(Окончание на 7-й стр.)

Шек. Консервация. - 1995. -
Зем. - С. 1

САМЫЙ СИНЕГЛАЗЫЙ...

Сегодня Сергею Есенину 100 лет

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.)

Пьянство, кутежи, воспевание разврата — все это находит отклик в воровской душе. ...Поэзия Есенина чрезвычайно тонко воспроизводит понятия блатного мира — сентиментальное умиление матерью, циничное и презрительное отношение к женщине...» Все это так, да не так. В этом смысле современный поэт писал о Владимире Высоцком, чья судьба в какой-то мере следовала за есенинской: «О златоустом блатаре рыдай, Россия... Какое время на дворе — таков мессия...» Было это у Есенина — вплоть до порыва — «и я кого-нибудь зарежу под осенний свист» или же ожидания расплаты от того, кто «саданет под сердце финский нож...»

Но одновременно один из хозяев Москвы, с которым уж никак не должен был соглашаться старый зек Шаламов, секретарь партийного горкома некто Щербаков, как вспоминают, трясся от ненависти при имени Есенина. В чем дело? А дело в том, что верный партиец не мог простить поэту единственную строчку, в которой тот с крестьянской хитрецей запечатлел образ Владимира Ульянова — «он с лысиною, как поднос»... Вы только представьте, как относился поэт к «вождю мирового пролетариата». Да он его терпеть не мог!

Осип Эмильевич Мандельштам в своей душераздирающей «Четвертой прозе» так помнит Есенина: «...есть прекрасный русский стих, который я не устану твердить в московские синие ночи, от которого, как наваждение, рассыпается рогатая нечисть. Угадайте, друзья, этот стих — он полозьями пишет по снегу, он ключом верещит в замке, он морозом стреляет в комнату;

... не расстреливал несчастных по темницам...

Вот символ веры, вот подлинный канон настоящего писателя, смертельного врага литературы». Мандельштам с его безошибочным чутьем вычленил, может быть, главное в Есенине.

Как бы пролетарский поэт Владимир Маяковский Есениным тоже интересовался. Тот его, в свою очередь, терпеть не мог и где надо и где не надо затрагивал колким словцом. Например, в частушке «Эх, сып! Эх жар! Маяковский — бездарь...» В свою очередь, В.М. написал почти издевательские стихи о смерти Есенина. Тут «тебе ни бабы, ни пивной», тут «забудыга-подмастерье». Естественно, сам себе Маяковский отводил роль агитатора и

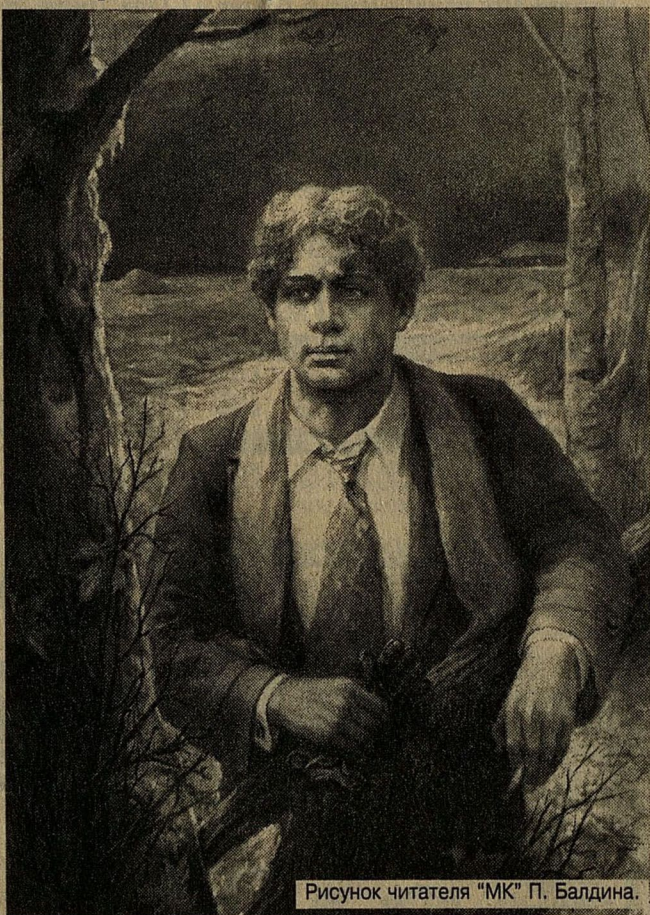

Рисунок читателя "МК" П. Балдина.

главаря...

Правда, Марина Цветаева пыталась примирить противоречия этих крупных людей, когда обратилась к этим двум покойникам из своего эмигрантского далека: «Под царство под это подложим гранату...» — предложила она, еще не зная, что скоро сама уйдет из этой жизни.

Противоречивость Есенина еще и в том, что он, приняв революцию, отшатнулся от советской жизни, был готов «задрать штаны бежать за комсомолом», но не бежал за ним, метался между основоположниками кровавой нивы — «давай, Сергей, за Маркса тихо сядем» — и впитанным с малолетства православием. Он просил, «чтоб за эти грехи мои тяжкие, за неверие в благодать положили меня в русской рубашке под иконами умирать...» В благодать он так и не поверил, писал романтические стихи о Родине, однако это не помешало ему провести убийственный социальный анализ и трезвенько назвать свою родину «страной негодяев», что, впрочем, не потеряло актуальности и в наши дни.

Подведем некоторые итоги наших «юбилейных» заметок.

Если Александр Блок был гениальным выразителем «серебряного века» России и подвел черту под эпохой трех революций поэмой «Двенадцать», после чего «музыка умерла» для него, а Маяковский сознательно выбрал путь служения кровавому режиму, то Есенин выразил мятущуюся душу России на очередном крутом переломе ее истории и ушел из жизни, потому что кончилось его поэтическое время. Он не смог бы отсидеться на даче в Переделкине или оттуда же, как миллионы других, отправиться по этапу куда-нибудь на Третью речку дальневосточной зоны. Эмиграция как возможность спасения была для него исключена после его пьянства в мировых столицах — Берлине или Америке, которую он окрестил железным Миргородом. Выхода не было. Это время было непосильно для гениев...

Он родился сто лет назад. В самом факте столетнего юбилея открывается возможность бессмертной жизни. Он остался молодым в памяти мира. Есенина на пенсии представить невозможно.

Сергей МНАЦКАНЯН.